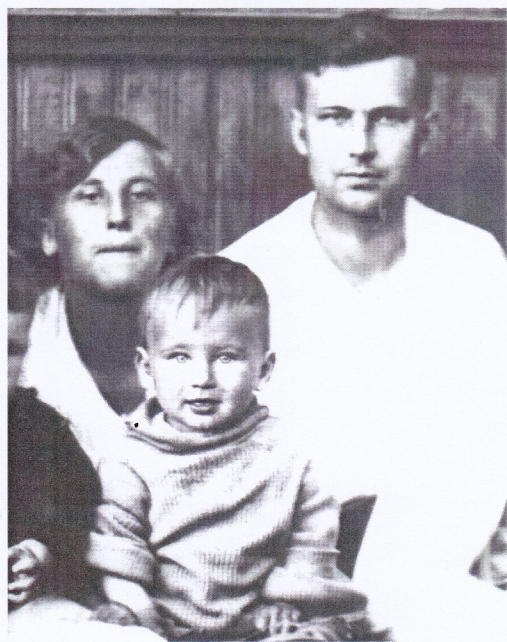

Блокадные дни

*Вахтер А. А., житель
блокадного Ленинграда*

Вахтер А. А.
с родителями

Война застала всю нашу большую семью (мама – Тамара Поликарповна, папа – Арнольд Константинович, братья – Константин и Володя, бабушка – Александра Васильевна, дедушка – Поликарп Андреевич, сестра мамы с мужем и детьми, дядьки по бабушкиной линии с семьями) в большой квартире деревянного дома по Выборгской набережной в Ленинграде. Бабушка не работала, дед работал литейщиком на Кировском заводе. Мама работала на текстильной фабрике «Красный маяк» лаборанткой, а папа на этой же фабрике заведовал радиоузлом. Мама была веселым, компанейским человеком, очень любила петь, играла на гитаре и постоянно участвовала в художественной самодеятельности фабрики. В 1935 году они с папой поженились. Родился Костя, потом я, еще через год Володя.

В первые дни войны многие думали, что скоро врага прогонят, и опять наступит мир. Но буквально через три месяца немцы окружили город. 8 сентября началась блокада Ленинграда. Продуктов в городе стало катастрофически не хватать. Ввели карточную систему на хлеб и основные продукты.

Мама устроилась работать в больницу санитаркой, а папу как крупного радиоспециалиста направили на военный объект – завод «Радист». Вплоть до февраля месяца папа ходил пешком с Выборгской набережной до своего завода, так как транспорт весь стоял. В конце концов, совсем обессилив от нехватки еды, он пошел в военкомат и, несмотря на бронь, попросился на фронт. С войны мы отца так и не дождались. В документах значится «пропал без вести».

В начале 1942 года умерли оба моих брата, дедушка и оба брата бабушки. Сестра мамы с семьей уехала в эвакуацию. Остался я с мамой и бабушкой. Как мы выжидали в это трудное время, знают только они. Мама устроила меня в детский сад и тем самым спасла мне жизнь, так

как в садике хоть как-то кормили, а на ужин давали с собой немного кашки. Помню такой эпизод: возвращаемся из садика домой, каждый несет в кружечке кашу. Дети есть дети, и даже в такое тяжелое время находили повод пошалить. Так вот, один мальчик расшалился и уронил кружку с кашей на землю, а потом, смеясь и плача, собирал эту кашку вместе с землей.

Маму пересадили работать на грузовик, и она некоторое время работала шофером – возила дрова для больницы. Бабушка и мама не гнушались никакой работой, лишь бы заработать какой-нибудь еды для нас. Им приходилось пилить и колоть тяжеленные обледенелые бревна, стирать белье для красноармейцев. Взамен им давали немного хлеба, консервы. В блокадные дни в Ленинграде работали рынки, так называемые «барахолки». Мама с бабушкой многие дорогие вещи продавали или обменивали на продукты. Тем не менее, зачастую в доме кроме 125 блокадных грамм хлеба не было ничего. А как хотелось есть! Если успевали, собирали на помойке выброшенные из столовой картофельные очистки. Из них мы делали котлетки, которые казались очень вкусными.

За хлебом выстаивали долгие очереди. Бывало, что его не хватало. Хлеб был черный, влажный, но все-таки такой желанный! Мама рассказывала, что однажды, стоя в очереди, увидела, как из толпы выбежал мальчик лет двенадцати-тринадцати с полубезумными голодными глазами, схватил с весов кусок хлеба и тут же запихал его в рот. Его стали бить, но хлеб он так и не отдал.

Помню в небе немецкие самолеты с черными свастиками на крыльях, свист и взрывы бомб. Люди бегут, прячутся в бомбоубежище. Напротив нашего дома на Неве стоял эсминец «Славный». Он постоянно обстреливал из своих орудий немецкие позиции, а потом отходил на триста-четыре метра в сторону, так как следом начинала стрелять немецкая артиллерия. В наших домах все стекла были выбиты от разрывов снарядов, а некоторые дома были разрушены. Их тут же разбирали на дрова.

Помню заснеженную набережную Невы, медленно бредущих людей, везущих на санках умерших, завернутых в простыни, своих родственников. Люди идут, закутанные во что попало, лица и руки – грязные от копоты и сажи. Ни воды, ни электричества в домах не было. За водой ходили на Неву.

И вот настал долгожданный день 27 января – день полного снятия блокады Ленинграда. Люди плакали, обнимались. Мама вывела меня на набережную посмотреть салют, а я прятался за нее и говорил: *«Там стреляют и сейчас сюда упадут бомбы»*. После войны я еще долго заикался.

Чуть ли не каждый день мы ходили с мамой на Лесной проспект – встречать солдат, возвращавшихся с фронта. И как было грустно и радостно видеть, как вдруг кто-то обнимает своего мужа, брата, сына.

В один из дней мы вышли на улицу: по Выборгской набережной вели колонну плененных немцев. Многие худые, изможденные, раненые. Вот здесь и проявилась русская душа. Женщины, недавно пережившие страшный голод, потерю на войне своих близких, плакали. Кто-то подбегал и протягивал пленным кусочки хлеба, картофелины.

Войну начинают политики, а простому народу она не нужна, он только страдает.